

Данный текст одобрен к распространению как способствующий делу Света.

Ночной Дозор

Данный текст одобрен к распространению как способствующий делу Тьмы.

Дневной Дозор

История первая

СВОЯ СУДЬБА

ПРОЛОГ

Эскалатор полз медленно, натужно. Старая станция, ничего не поделаешь. Зато ветер гулял в бетонной трубе всюду — трепал волосы, оттягивал капюшон, забирался под шарф, толкал вниз.

Ветер не хотел, чтобы Егор поднимался.

Ветер просил вернуться.

Удивительно, но никто вокруг, казалось, не замечал ветра. Людей было немного — к полуночи станция пустела. Несколько человек ехали навстречу, на лестнице рядом с Егором тоже почти никого: один впереди, двое или трое сзади. И все.

Разве что еще ветер.

Егор засунул руки в карманы, обернулся. Уже минуты две, едва он вышел из поезда, его не оставляло ощущение чужого взгляда. Почему-то совсем не страшное, скорее — заволаживающее, резкое, как укол.

В самом начале эскалатора стоял высокий мужчина в форме. Не милиционер, военный. Дальше — женщина с сонным малышом, держащимся за ее руку. Еще один мужчина, молодой, в яркой оранжевой куртке, с плеером. Он, казалось, тоже спал на ходу.

Ничего подозрительного. Даже для мальчишки, который слишком поздно возвращается домой. Егор снова посмотрел вверх, там милиционер, привалившийся к блестящим поручням, уныло высматривал среди редких пассажиров легкую добычу.

Ничего страшного.

Ветер толкнул Егора последний раз и стих, будто смирился, понял, что бороться бесполезно. Мальчик еще раз взглянул назад и побежал по сплюсцивающимся под ногами ступенькам. Надо было спешить. Непонятно почему, но надо. Его еще раз кольнуло, бессмысленно и тревожно, по телу прошел холодок.

Это все ветер.

Егор выскочил в полуоткрытые двери, и пронизывающий холод навалился на него с новой силой. Волосы, еще мокрые после бассейна — сушиллка снова не работала, —

мгновенно обледенели. Егор надвинул капюшон глубже, не оставиваясь проскочил мимо ларьков, нырнул в переход. На поверхности людей было куда больше, но тревога не проходила. Он даже обернулся, не замедляя шаг, но никто за ним не следовал. Женщина с малышом шла к трамвайной остановке, мужчина с плеером остановился возле ларька, изучая бутылки, военный вообще еще не вышел из метро.

Мальчик шел по переходу, все убыстряя и убыстряя шаг. Откуда-то лилась музыка, тихая, едва слышная, но удивительно приятная. Тонкое пение флейты, шелест гитарных струн, перезвон ксилофона. Музыка звала, музыка торопила. Егор увернулся от спешащей навстречу компании, обогнал плетущегося еле-еле пьяненького и веселого мужичка. Из головы будто выдуло все мысли, он уже почти бежал.

Музыка звала.

В нее уже вплетались слова... пока невнятные, слишком тихие, но такие манящие. Егор выскочил из перехода, на миг остановился, глотая холодный воздух. К остановке как раз подкатывал троллейбус. Можно было проехать одну остановку, почти до самого дома...

Медленно, словно внезапно онемели ноги, мальчик пошел к троллейбусу. Несколько секунд тот ждал с открытыми дверями, потом створки сошлись, и машина отъехала от остановки. Егор тупо смотрел вслед, музыка становилась все громче, заполняла весь мир, от полукружия высотной гостиницы до видневшегося невдалеке «коробка на ножках» — его дома. Музыка предлагала идти пешком. По ярко освещенному проспекту, где до сих пор шло немало людей. Всего-то пять минут до подъезда.

А до музыки — еще меньше...

Егор успел пройти метров сто, когда гостиница перестала прикрывать его от ветра. Ледяной поток ужалил в лицо, почти заглушая зовущую мелодию. Мальчик зашатался, останавливаясь. Очарование рассеялось, зато вновь вернулось ощущение чужого взгляда, теперь еще густо замешенное на страхе. Он обернулся — к остановке снова подходил троллейбус. А еще в свете фонарей мелькнула ярко-оранжевая куртка. Мужчина, поднимающийся вместе с ним на эскалаторе, шел следом. Все так же полуприкрыв глаза, но неожиданно быстро и целеустремленно, будто видел Егора.

Мальчик побежал.

Музыка зазвучала с новой силой, прорвалась сквозь завесу ветра. Он уже мог различить слова... мог, но не хотел.

Правильнее всего сейчас было бы идти по проспекту, мимо закрытых, но ярко освещенных магазинов, рядом с припоздавшими прохожими, на виду у несущихся машин.

Но Егор свернул в подворотню. Музыка звала туда.

Здесь было почти совсем темно, и только у стены шевелились две тени. Егор видел их как сквозь туман, словно подсвеченный мертвенным синеватым светом. Юноша и девушка, очень легко одетые, будто на дворе не минус двадцать.

Музыка грянула последний раз, пронзительно и торжествующе. Смолкла. Мальчик почувствовал, как обмякает тело. Он был весь в поту, ноги его не держали, хотелось сесть на скользкий, покрытый обледенелой грязью тротуар.

— Хорошенький... — тихо произнесла девушка. У нее было худое лицо, впалые щеки, бледная кожа. Только глаза казались живыми: черные, огромные, притягивающие.

— Оставишь... чуть-чуть... — сказал юноша. Улыбнулся. Они были похожи как брат и сестра, не чертами лица, а чем-то неуловимым, общим для них, брошенным сверху, словно пыльный полупрозрачный тюль.

— Тебе? — Девушка на миг отвела от Егора взгляд. Оцепенение слегка спало, зато нахлынул страх. Мальчик открыл рот, но встретил взгляд юноши и не смог закричать. Его будто стянуло холодной резиновой пленкой.

— Да. Держи!

Девушка насмешливо фыркнула. Перевела взгляд на Егора, вытянула губы, будто в воздушном поцелуе. Тихо произнесла уже знакомые слова, те самые, что вплетались в манящую музыку:

— Иди сюда... иди ко мне...

Егор стоял неподвижно. Сил убежать не было, несмотря на весь ужас, несмотря на рвущийся и застревающий в горле крик. Но по крайней мере он мог просто стоять.

Мимо подворотни прошла женщина с двумя здоровенными овчарками на поводках. Медленно, заторможенно, будто двигаясь под водой, будто снясь в страшном сне. Краем глаза Егор увидел, как псы дернулись, потянули в подворотню, и в душе вспыхнула безумная надежда. Овчарки зарычали, но как-то неуверенно, с ненавистью и страхом одновременно. Женщина на миг остановилась, подозрительно посмотрела в подворотню. Егор поймал ее взгляд — безразличный, словно сквозь пустое место.

— Пошли! — Она дернула поводки, и собаки охотно отступили к ее ногам.

Юноша тихо засмеялся.

Женщина ускорила шаг и скрылась из виду.

— Не идет! — капризно воскликнула девушка. — Ну ты посмотри, он же не идет!

— Сильнее, — коротко сказал юноша. Нахмурился. — Учись.

— Иди! Иди ко мне! — с напором произнесла девушка. Егор стоял метрах в двух, но ей словно было важно, чтобы он сам прошел это расстояние.

И Егор понял, что больше нет сил сопротивляться. Взгляд девушки держал, приклеивал к невидимой резиновой привязи, слова звали, и он ничего не мог с собой поделать. Знал, что идти нельзя, и все-таки сделал шаг. Девушка улыбнулась — блеснули ровные белые зубы. Сказала:

— Сними шарф.

Противиться он уже не мог. Дрожащими руками сбросил капюшон, стянул, не разматывая, шарф. Шагнул навстречу зовущим черным глазам.

У девушки что-то происходило с лицом. Отвисала нижняя челюсть, зубы шевелились, искривлялись. Блеснули длинные, уже нечеловеческие клыки.

Егор сделал еще шаг.

ГЛАВА 1

Ночь начиналась неудачно. Я проснулся, едва лишь стемнело. Лежал, глядя, как тают в щелях жалюзи последние проблески света, размышлял. Пятая ночь охоты — и все безрезультатно. Едва ли и сегодня повезет.

В квартире было холодно, батареи чуть грели. Единственное, за что люблю зиму: быстро темнеет и людей на улицах мало. А так... давно бы плюнул на все, уехал из Москвы куда-нибудь в Ялту или в Сочи. Именно на Черное море, а не на далекие острова чужих теплых океанов: люблю, когда вокруг родная речь...

Глупые мечты, конечно.

Рановато мне еще на покой, в теплые края.

Не заслужил.

Телефон словно дожидался моего пробуждения — зачирикал требовательно и мерзко. Я нащупал трубку, приложил к уху — молча, не говоря ни слова.

— Антон, ответь.

Я молчал. Голос у Ларисы деловой, собранный, но уже усталый. Весь день не спала явно.

- Не надо, — буркнул я.
- То-то. Проснулся?
- Да.
- Ты сегодня как обычно?
- Что-то новое случилось?
- Нет, ничего.
- Позавтракать есть чем?
- Найду.
- Хорошо. Удачи.

Пожелание было вялым, скучным. Лариса в меня не верила. Шеф наверняка тоже.

— Спасибо, — сказал я частым гудкам. Поднялся, совершил экскурсию в туалет и ванную. Начал было намазывать зубной пастой щетку, потом сообразил, что спешу, отложил ее на край раковины.

На кухне было совсем темно, но свет я, конечно же, включать не стал. Открыл дверцу холодильника — вывернутая лампочка мерзла среди продуктов. Посмотрел на кастрюлю, накрытую дуршлагом. В дуршлаге валялся кусок полурастаявшего мяса. Я вынул дуршлаг, поднес кастрюлю к губам, сделал глоток.

Если кто-то думает, что свиная кровь — это вкусно, то он ошибается.

Вернув кастрюлю с остатками натекшей крови на место, я прошел в ванную. Тусклая синяя лампочка едва разгоняла темноту. Я долго, с ожесточением чистил зубы, потом не выдержал, совершил еще один поход на кухню и глотнул ледяной водки из морозильника. Теперь в животе было не просто тепло — горячо. Чудесный букет ощущений: холод на зубах и жар в животе.

— Чтoб тебе самому... — начал было я в адрес шефа, но вовремя опомнился. С него станется почувствовать даже неоформленное проклятие. Двинувшись в комнату, я стал собирать разбросанные повсюду предметы гардероба. Брюки нашлись под кроватью, носки на подоконике, рубашка почему-то висела на маске Чхоен.

Древний корейский царь взирал на меня с неодобрением.

— Стерегите лучше, — буркнул я, и тут снова заверещал телефон. Запрыгав по комнате, я нашел трубку.

— Антон, ты что-то хотел мне сказать? — поинтересовался незримый собеседник.

— Никак нет, — мрачно сказал я.

— Ну-ну. Добавь «рад стараться, ваше благородие».

— Не рад. Тут уж ничего не поделаешь... ваше благородие.

Шеф помолчал.

— Антон, я все-таки попрошу тебя отнестись серьезнее к сложившемуся положению. Хорошо? Утром жду с отчетом в любом случае. И... удачи тебе.

Я не то чтобы устыдился. Но все-таки раздражение поутихло. Спрятав сотовый в карман куртки, открыл шкаф в прихожей. Некоторое время размышлял, чем завершить обмундирование. Было у меня несколько новинок в снаряжении, подаренных друзьями за последнюю неделю. И все-таки я остановился на обычном наборе, в меру универсальном и достаточно компактном.

Еще — мини-дисковый плеер. Слух мне не нужен совершенно, а вот скука — враг неумолимый.

Перед выходом я долго рассматривал в глазок лестницу. Никого.

Так началась очередная ночь.

Часов шесть я ездил в метро, без всякой системы переходя с ветки на ветку, временами задремывая, позволяя сознанию отдохнуть, а чувствам — раскрепоститься. Все было глухо. Нет, кое-что интересное я видел, но все случаи были ординарные, для новичков. Лишь к одиннадцати, когда в метро стало более безлюдно, ситуация изменилась.

Я сидел с закрытыми глазами, уже в третий раз за вечер слушая пятую симфонию Манфредини. Мини-диск в плеере был совершенно безумный: моя личная сборка, где итальянцы средних веков и Бах чередовались с «Алисой», Ричи Блэкмором и «Пикником».

Всегда интересно, какая мелодия и с каким событием совпадает. Сегодня удача выпала на Манфредини.

Меня скрутило — судорога прошла от пяток до затылка. Я даже что-то прошипел, открывая глаза и оглядывая вагон.

Девушку я выделил сразу.

Очень миленькая, молодая. В нарядной шубке, с сумочкой и книжкой в руках.

И с таким черным вихрем над головой, какого я уже года три не видел!

Наверное, у меня был безумный взгляд. Девушка его почувствовала, взглянула на меня, тут же отвернулась.

Ты бы лучше вверх посмотрела!

Нет, конечно, увидеть воронку ей все равно не дано. Максимум, что она может ощутить, — легкое беспокойство.

12 И лишь смутно-смутно, уголком глаз, способна заметить

мельтешение над головой... будто мушки летают, будто в жаркий день над асфальтом рябит воздух...

Ничего ей не увидеть. Ничего. И она будет жить еще день или два, пока не оступится на гололеде, да так, что ударится головой насмерть. Или попадет под машину. Или в подъезде наткнется на нож бандита... не понимающего в общем-то, зачем он убивает эту девушку. И все будут говорить: «Такая молодая, жить еще и жить, все ее так любили...»

Да. Конечно. Верю, уж очень доброе и хорошее лицо: усталость есть, а озлобленности нет. Рядом с такой девушкой чувствуешь себя не таким, каков ты на самом деле. Пытаешься быть лучше, а это тяготит. С такими предпочитают дружить, чуть-чуть флиртовать, делиться откровениями. В таких редко влюбляются, но зато все таких любят.

Кроме кого-то одного, заплатившего Темному магу.

Черная воронка на самом деле явление обычное. Приглядевшись, я мог заметить еще пять или шесть, зависших над пассажирами. Но все они были смазанные, тусклые, едва вращающиеся. Результаты самого обычного, непрофессионального проклятия. Кто-то бросил вслед человеку: «Чтоб ты содох, сволочь». Кто-то выразился проще и мягче: «Чтоб тебе пусто было». И протянулся с Темной стороны маленький смерч, вытягивающий удачу, высасывающий силы.

Но только обычного проклятия, дилетантского и неоформленного, хватает на час, два, максимум на сутки. И последствия от него хоть и неприятные, но не смертельные. А вот черная воронка над девушкой была полноценной, стабилизированной, сработанной опытным магом. Сама того не зная, девушка уже была мертва.

Я машинально потянулся к карману, сообразил, где нахожусь, и поморщился. Ну почему сотовые не работают в метро? Те, кто их имеет, под землей не ездят?

Теперь я разрывался между основным заданием, которое надо было выполнять, пусть и без надежды на успех, и обреченной девушкой. Не знаю, возможно ли ей еще помочь, но выследить создателя воронки я обязан...

И в этот миг меня ударило второй раз. Теперь — по-другому. Без судорог, без боли, лишь пересохло горло, онемели десны, запульсировала кровь в висках, а кончики пальцев стали зудеть.

Есть!

Но почему так не вовремя?

Я поднялся — поезд уже притормаживал перед станцией. Прошел мимо девушки и почувствовал ее взгляд.

Она следила за мной. Боялась. Видимо, черный вихрь, пусть и неощутимый, вызывал у нее беспокойство, заставлял приглядываться к окружающим.

Может быть, потому она до сих пор еще жива?

Стараясь не смотреть в ее сторону, я опустил руку в карман. Нашупал амулет — прохладный стержень, выточенный из оникса. Еще секунду медлил, пытаясь придумать иные действия.

Нет, другого выхода не было.

Я сжал стержень в ладони. Пальцы стало покалывать, потом камень потеплел, отдавая накопленную энергию. Ощущение не было ложным, но это тепло не измерить термометром. Мне казалось, что я сжимаю уголек из костра... уголек, покрытый холодным пеплом, но раскаленный в сердцеvine.

Выбрав амулет до конца, я бросил взгляд на девушку. Черная воронка дрожала, слегка изгибаясь в мою сторону. Вихрь был настолько мощным, что обладал зачатками интеллекта.

Я ударил.

Будь в вагоне, да что там в вагоне, во всем поезде еще хоть один Иной, он увидел бы ослепительную вспышку, с одинаковой легкостью пронзающую металл и бетон...

Еще никогда я не бил по черному вихрю такой сложной структуры. И никогда не применял амулет с таким мощным зарядом.

Эффект был совершенно неожиданным. Слабенькие проклятия, висевшие над другими людьми, смело начисто. Пожилая женщина, устало тершая лоб, удивленно посмотрела на ладонь: у нее вдруг исчезла жестокая мигрень. Молодой парень, тупо глядевший в стекло, вздрогнул, лицо его расслабилось — из глаз уходила глухая тоска.

Черный вихрь над девушкой отнесло метров на пять, он даже наполовину выскочил из вагона. Но структуры не потерял и зигзагами поплыл обратно к жертве.

Вот это сила!

Вот это нацеленность!

Говорят, правда, сам я этого не видел, что оттесненный хотя бы на два-три метра вихрь теряет ориентировку, приклеивается к ближайшему человеку. Это тоже скверно, но чужое проклятие действует куда слабее, у новой жертвы есть все шансы спастись.

А этот вихрь пер обратно, будто верный пес к попавшему в беду хозяину!

Поезд останавливался. Я бросил последний взгляд на вихрь — тот вновь завис над девушкой, даже ускорил вращение... И ничего, совершенно ничего поделать я не мог. Рядом, на станции, была цель моих недельных блужданий по Москве. Про-

ехать мимо, проследить за девушкой я не мог. Меня шеф заживо сожрал бы... может быть, даже не фигурально выражаясь...

Когда двери с шипением разошлись, я бросил на девушку последний взгляд, торопливо запоминая ауру. Шансов найти ее вновь в огромном городе немного. И все-таки я должен буду попытаться.

Но не сейчас.

Высочив из вагона, я огляделся. Опыта полевой работы мне и впрямь не хватает, в этом шеф абсолютно прав. Но вот метод, который он применил для обучения, мне совершенно не нравился.

Как, черт возьми, найти цель?

Обычным зрением я видел людей, ни один из них не вызывал подозрения. Здесь до сих пор толклось много пассажиров — все-таки «Курская-кольцевая», тут и приезжие с вокзала, и расходящиеся торговцы, и спешащие на пересадку в спальные районы... Прикрыв глаза, я мог наблюдать картину более занятую: блеклые, как обычно к вечеру, ауры. Среди них ярким алым пятном горела чья-то злоба, пронзительно оранжевым светилась парочка, явно спешащая добраться до постели, размытыми коричнево-серыми полосами тянулись распадающиеся ауры пьяных.

И никакого следа. Только сухость в горле, зуд в деснах, безумно колотящееся сердце. Привкус крови на губах. Нарастающее возбуждение.

Все признаки косвенные и в то же время слишком явные, чтобы пренебречь ими.

Кто же? Кто?

Поезд за моей спиной тронулся. Ощущение близости цели не слабело, значит, пока мы рядом. Показался встречный состав. И я почувствовал, как цель дрогнула, двинулась навстречу ему.

Вперед!

Я пересек перрон, лавируя между плящущимися на указатели приезжими, двинулся к хвосту состава — ощущение цели начало слабеть. Побежал к головному вагону... есть... ближе...

Как в детской игре — «горячо-холодно».

Люди входили в вагоны. Я бежал вдоль состава, чувствуя, как рот наполняется тягучей слюной, начинают болеть зубы, судорогой сводит пальцы... В наушниках гремела музыка.

*In the shadow of the moon,
She danced in the starlight
Whispering a haunting tune
To the night...**

* Кэндис Найт и Ричи Блэкмор. Shadow of the Moon.